

Мирошниченко И.В.

Публичная политика как зонтичная концепция политической науки*

Мирошниченко Инна Валерьевна — доктор политических наук, доцент, факультет управления и психологии, Кубанский государственный университет, Краснодар, РФ.
E-mail: mirinna78@mail.ru
SPIN-код РИНЦ [6396-3143](#)

Аннотация

В статье обосновывается зонтичный характер концептуальной модели публичной политики, позволяющей раскрыть ее сложносоставный характер через взаимосвязанные и взаимообусловленные измерения, такие как информационно-дискурсивное, деятельностно-активистское, управленческое и пространственное. Автор показывает, что зонтичная концепция публичной политики позволяет раскрыть комплексность и многоуровневость публичных процессов и интегрировать различные измерения, представленные разными теориями политической науки.

Ключевые слова

Публичная политика, зонтичная концепция, публичная сфера, политический дискурс, гражданское общество, публичное управление.

Публичная политика — сравнительно молодой концепт политической науки, возникший в середине XX века как потребность в соединении политической теории с публичной практикой современных национальных государств. На сегодняшний день публичная политика представляет собой зонтичную концепцию, кроющую под собой многие измерения политического. В то же время теоретические границы проблематики публичной политики определены, с одной стороны, междисциплинарной рефлексивной парадигмой анализа становления открыто развивающегося социума; с другой — осмыслением содержательной, организационной и технологической трансформаций политико-управленческих систем современных государств. Такая множественность измерений концепта публичной политики требует от исследователей не только характеристики каждого измерения, но и установления взаимосвязей и пересечений, из которых складывается система координат публичной политики.

Рефлексивные аспекты политической реальности благодаря усилиям нескольких поколений западных и отечественных исследователей раскрывается через соотношение двух взаимообусловленных понятий — «публичная сфера» и «публичная политика».

Разворачивание антитезы «публичное — частное», существующей со времен античной философии, нашло свое отражение в работах Х. Арндт, где под частным автор понимала сферу домашнего хозяйства, в котором доминируют труд и

---

* Исследование выполнено в рамках проекта РГНФ № 12-33-01264 «Трансформация социальных сетей в online- и offline-среде публичной политики: нейтрализация угроз и развитие позитивного потенциала».

изготовление вещей; к публичному относилась сфера человеческого поступка / действия. В концепции Х. Арендт публичная сфера, рассматриваемая в контексте полисной государственности, представляется фундаментальным аспектом жизни человека, средой для человеческого развития — формирование лучшего и уникального в нем, а государство — продуктом публичной деятельности людей¹. Универсальные характеристики публичной сферы как пространства, в котором возможна деятельность человека во взаимодействии с другими субъектами на основе общезначимых норм и ценностей, выделенные Х. Арендт, стали отправным теоретическим тезисом для исследования взаимообусловленности и взаимозависимости публичной сферы и публичной политики.

Впоследствии концепцию публичной сферы разрабатывал немецкий ученый Ю. Хабермас. Отталкиваясь от теоретических посылок Х. Арендт, он считал системообразующим основанием развития публичной сферы не универсальные общезначимые ценности и нормы, а способность людей формировать политическое сообщество или политическую публику, принимать участие в обсуждении значимых для общества проблем. Для Ю. Хабермаса публичное пространство означает «область социальной жизни, где могут обсуждаться дела, представляющие общий интерес, где различия во мнениях могут регулироваться рациональными аргументами, а не обращениями к устоявшимся догмам и обычаям»².

В отличие от универсального понимания публичной сферы Х. Арендт, ученый новаторски развивает данный концепт, основываясь на историческом контексте эволюции публичной сферы как объективной политической реальности, образующейся на основе различных дискурсивных практик³. По его мнению, публичная сфера прошла (от средних веков к настоящему времени) несколько структурных трансформаций, которые существенно повлияли на ее характеристики как дискурсивного пространства.

Согласно Ю. Хабермасу, существование различных типов публичных сфер (полисной, репрезентативной, критической и потребительской) приводит к выводу, что публичная сфера существует в рамках любого исторического типа государственности. Будучи универсальной категорией, она позволяет оценивать качество политического процесса на основе характеристик информационно-коммуникативного пространства, в

---

¹ *Арендт Х. Vita activa, или О деятельной жизни.* СПб.: Алетея, 2000. С. 14–27.

² *Thompson B. Habermas: Critical Debates.* Cambridge, Mass.: MIT, 1982. P. 469.

³ *Habermas J. Strukturwandel der Öffentlichkeit.* Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1995.

котором происходит формирование различных групп общественности — «публик», а также дискурсивных практик по поводу политического управления.

Переплетение информационных и дискурсивных потоков образует первичный слой публичной сферы. Информационное измерение публичной сферы связано с циркулированием информации о различных событиях; при этом, по утверждению Дж. Оруэлла, любое повседневное событие может стать политическим, где речь идет об изменении окружающей социальной действительности⁴. В событиях как результатах деятельности социальных структур проявляются сущностные свойства публичной коммуникации, обеспечивающие связку реального действия с его описанием⁵. Информационные событийные потоки аккумулируют вокруг себя публичные дискуссии, с помощью которых публичная сфера становится пространством дискурсивных практик. Дискурсивность публичного пространства имеет двойственную природу, которая обуславливается существованием коммуникативного дискурса «общество — власть» и политического дискурса, в интерпретации Ю. Хабермаса процесса коммуникативного производства легитимной власти (коммуникативно порожденную власть) и процесса достижения легитимации через политическую систему (административно применяемую власть)⁶.

В первом случае речь идет о самоорганизованном формировании воли автономных объединений общественности (не производящихся политической системой в целях легитимации), участвующих в процессе рациональной дискуссии, в ходе которой различные участники (автономные объединения) на основе дискурсивной аргументации и равного диалога представляют свои позиции и приходят к согласию и кооперации интересов. Политический дискурс определяется как произведенная в определенных исторических и социокультурных рамках институционально организованная и тематически сфокусированная последовательность информационно-коммуникативных активностей, рецепция которых способно изменять отношения доминирования и подчинения⁷. Политический дискурс, в отличие от коммуникативного дискурса «общество — власть», характеризуется целенаправленным властно-

---

⁴ *Orwell G. Politics and the English Language // Orwell G. Inside the Whale and Other Essays. Harmondsworth: Penguin, 1962. P. 154.*

⁵ *Луман Н. Общество как социальная система. М.: Логос, 2004. С. 19.*

⁶ *Habermas J. Die Moderne — ein unvollendetes Projekt: Philosophischpolitische Aufsätze 1977–1990. Leipzig: ReclamVerlag, 1990. S. 203.*

⁷ *Переверзев Е.В., Кожемякин Е.А. Политический дискурс: многопараметральная модель // Вестник ВГУ. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2008. № 2. С. 75. URL: <http://www.vestnik.vsu.ru/pdf/lingvo/2008/02/pereverzev.pdf> (19.12.2014).*

управленческим информационно-коммуникативным воздействием с потенциалом использования манипулятивных медийных технологий, обеспечивающим организованную лояльность общественных групп и масс.

Коммуникативный дискурс «общество — власть» в публичном пространстве выполняет функции самоорганизации общественности. Данному дискурсу свойственны: ориентация на процесс гражданского участия; минимум речевых ограничений; относительно свободная смена коммуникативных ролей; большая обусловленность непосредственным событийным контекстом; множественность целей (преимущественно локальных); равноправные отношения коммуникаторов⁸.

Политический дискурс в публичной сфере реализует функции управления и инстанции власти. Властвующая элита неизбежно участвует в производстве и воспроизводстве смыслов — идей, символов, нарративов, норм и т. п., определяющих восприятие политики как самими политиками, так и широкими группами общественности. Образуя автономное информационно-дискурсивное поле в национальном масштабе, власть решает несколько инструментальных задач:

– распространяя информацию о социально-экономическом, политическом и социокультурном состоянии общества, власть не только информирует граждан, но и моделирует необходимую ей политическую реальность в общественном сознании;

– ориентация на фильтрацию событий, смещение не соответствующих политической конъюнктуре событий на периферию общественного мнения способствуют контролируемому выдвигению в качестве главных / приоритетных событий в политическую повестку дня;

– для решения своих политических целей власть использует технологии оценочных размышлений о прошлом и проекции в будущее с помощью презентации положительного и отрицательного опыта получателя-адресата и его оппонентов.

Одна из главных черт политического дискурса — его институциональность, так как он функционирует в условиях социально-политических и административно-управленческих институтов, направлен на недифференцированное население страны и практически полностью опосредован средствами массовой информации. Наряду с институциональными свойствами политический дискурс характеризуется относительно фиксированной сменой коммуникативных ролей, меньшей обусловленностью

---

⁸ Чутина А.А. Соотношение понятий «коммуникативный дискурс «общество — власть» и «политический дискурс» // Вестник Поволжской академии государственной службы имени П.А. Столыпина. 2010. № 4 (25). С. 64.

непосредственным контекстом, ограниченным набором целей (преимущественно стратегических) при обязательном наличии иерархических отношений «руководство — подчинение».

Сосуществование и пересечение в публичном пространстве коммуникативного дискурса «общество — власть» и политического дискурса способствуют подвижности границ публичной сферы. Если доминирует процесс коммуникативного производства легитимной власти, то можно говорить о развитом и дееспособном гражданском обществе, которое не только широко продуцирует дискурсивные практики, но и переводит их в ресурс гражданского и политического участия, формируя в конкурентной среде самостоятельных политических акторов, участвующих в принятии политических решений. Данные процессы способствуют расширению публичной сферы и увеличивают ее политическую действенность, поскольку в публичной сфере выкристаллизовываются и позиционируются различные «публики» — совокупность независимых, компетентных и заинтересованных граждан, способных участвовать в диалоге по поводу общественно значимых проблем и в выработке и реализации политических решений. Преобладание процесса достижения легитимации через политическую систему обеспечивает подконтрольность общественных отношений властно-административному комплексу и демонстрацию правящим режимом (политическим лидером) своего господствующего положения, что в свою очередь способствует сужению границ публичной сферы и уменьшает ее политическую действенность. При этом в политической сфере отображается сложившаяся топология политического пространства, «выражающая устойчивые отношения между людьми и политическими институтами, между индивидуальными и коллективными политическими субъектами и акторами в процессе организации и осуществления власти и управления»⁹ посредством коммуникации между акторами и репрезентацией общественных и политического дискурсов.

В этой связи качественные характеристики публичной сферы определяются степенью правовой институционализации гражданской общественности и ее способностью к гражданским действиям. Ряд европейских исследователей считает публичное пространство сферой универсализации гражданской солидарности¹⁰, в «которой постепенно складывается и укрепляется определенный тип единого

---

⁹ Прохоренко И.Л. О методологических проблемах анализа современных политических пространств // Полис. 2012. № 6. С. 71. URL: <http://www.politstudies.ru/arch/2012/6/index.htm> (19.12.2014).

¹⁰ См.: Коэн Дж.Л., Арато Э. Гражданское общество и политическая теория / пер. с англ. М.: Весь мир, 2003.

сообщества... с нарративами демократической идиомы»¹¹. Если публичная сфера активно воспроизводит политически функционирующую демократическую общественность, то она не исчерпывается коммуникациями граждан и общественной рефлексией, а предполагает практическую реализацию публично обсуждаемых интересов во имя общего блага¹² на основе диалоговых форм коммуникации различных групп граждан и власти. Г.М. Заболотная характеризует публичную сферу как «пространство саморефлексии гражданского общества... и тематизации новых социальных потребностей... где формируется ответственная общественная власть, способная воздействовать на государственно-административные институты»¹³, именно публичная сфера производит действующих общественных агентов, которые выдвигают государственной власти новые требования.

Нормативные границы развития публичной сферы и потенциал ее выхода из дискурсивного слоя на уровень публичного управления нашли свое отражение в концепции делиберативной политики¹⁴, суть которой заключается в формулировании нового качества принятия политических решений, основанного на результатах согласования мнений всех заинтересованных акторов публичного дискурса, в котором участники могут оценить адресно последствия и издержки. Включенность всех заинтересованных сторон в публичный дискурс, аргументация и согласование интересов характеризуют делиберативный политический процесс. Лишь делиберативные процедуры, основанные на информации, аргументации и убеждении, общественные консультации и публичный диалог легитимизируют власть и политический режим¹⁵. В то же время делиберативная политика накладывает ряд ограничений для включения публичных акторов в процесс дискурсивного согласования интересов при принятии решений: во-первых, акторы должны обладать «коммуникативной компетентностью, взаимностью и готовностью изменять свои

¹¹ Alexander J.C. *Real Civic Liberties*. London: Sage, 1998.

¹² См.: *McCarty T. The Critical Theory of Jurgen Habermas*. Cambridge, Mass.: MIT, 1982; *Bohmen D. Public Deliberation*. Cambridge, Mass.: MIT, 1996; *Gould C. Diversity and Democracy: Representing Differences // Democracy and Difference / ed.: S. Benhabib*. Princeton: Princeton University Press, 1996. P. 171–186; *Алексеева Т.А. «Публичное» и «частное»: где границы «политического»? // Проблемы и суждения: голоса российской политологии: Сборник трудов*. М.: КДУ, 2004. С. 145.

¹³ *Заболотная Г.М. Проблема публичной сферы в современной политической теории // Вестник Тюменского государственного университета*. 2004. № 4. С. 121–127.

¹⁴ См.: *Apel K.-O. Auseinandersetzungen in Erporobung des transzendentalpragmatischen Ansatzes*. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1997; *Бассет Дж.М. Тихий голос разума. Делиберативная демократия и американская система государственной власти*. М.: РОССПЭН, 2011; *Хабермас Ю. Вовлечение другого: Очерки политической теории*. М.: Наука, 2001.

¹⁵ *Бассет Дж.М. Указ. соч.* С. 68–71.

установки перед рациональной аргументацией»¹⁶; во-вторых, включенность акторов в делиберативные дискуссии обеспечивается их заинтересованностью в решении публичных проблем не общего характера, а конкретных, привязанных к их позициям и локальностям. В данном качестве публичная сфера представляет собой единую информационно-дискурсивную среду политического пространства, способствующую усложнению политического процесса путем включения в него различных общественных акторов, что создает условия для их влияния на процесс принятия политических решений на основе демократических процедур. Таким образом, в публичной сфере проявляются политические акторы, обладающие определенным политическим весом, осуществляющие различные по степени самостоятельности публичные действия и взаимодействующие друг с другом в условиях открытости и прозрачности.

Включенность различных акторов в публичное пространство, их самостоятельность и активность в реализации стратегий гражданского и политического действия непосредственно связаны с проблемой концептуализации публичной политики. Вопрос о том, что представляет собой публичная политика, по сути, разрешается определением действующих агентов в публичной сфере: действует ли в публичном пространстве государство, реализуя общественные дела, или же речь идет о коллективных эффектах деятельности граждан, воздействующих на властно-административный комплекс принятия политических решений.

В англосаксонской традиции под публичной политикой понимаются действия государства направленные на удовлетворение потребностей граждан¹⁷. В данном случае публичная политика накладывается на процесс формирования и реализации государственной политики с учетом общественных запросов. А. Хайденхаймер, Х. Хекло и К. Адамс определяют публичную политику и особенности ее сравнительного изучения следующим образом: «Сравнительная публичная политика является изучением того, как, почему и с каким результатом проводят различные правительства, проводят особые курсы действий или бездействий»¹⁸. В данном контексте ракурс рассмотрения публичной политики должен быть направлен, по Дж. Лейну, на два ключевых момента: производство политических решений после того,

---

¹⁶ Parkinson J. Legitimacy Problems in Deliberative Democracy // Political Studies. 2003. Vol. 51. P. 186.

¹⁷ См.: Dye T.R. Understanding Public Policy. Englewood Cliffs: Prentice-Hall, 1984; Sharkansky I. Policy Analysis in Political Science. Chicago: Markham, 1970.

¹⁸ Heidenheimer A., Hecl H., Adams C. Comparative Public Policy: The Politics of Social Choice in America, Europe and Japan. New York: St. Martin Press, 1990. P. 3.

как состоялся коллективный выбор, и исполнение политики, отраженной в административно-управленческих решениях. При этом коллективный выбор политического курса формируется, согласно модели выработки публичной политики Дж. Кингдона, на стыке нескольких потоков: а) информационного потока, который состоит из информации о реальных проблемах / событиях и результатах предыдущей деятельности правительства; б) дискурсивного потока экспертного сообщества, состоящего из мнений различных исследователей, консультантов, журналистов, представителей некоммерческих организаций (НКО) и т. д., анализирующих различные проблемы и предлагающие различные альтернативы принятия политических решений; в) политического потока, состоящего из выборов, деятельности политиков, конкуренции в ходе принятия законов и т. д.¹⁹ При объединении трех потоков возникает «окно возможностей» для принятия решений в публичном секторе. Фактически публичная политика — это деятельность агентов, вовлеченных в производство и исполнение решений относительно размещения общественных ресурсов, производства и распределения общественных благ²⁰, то есть публичная политика связана с решениями в публичном секторе государственного регулирования и направлена на различные сферы жизнедеятельности общества в целом, а также различных консолидированных групп внутри общества.

Вместе с тем изучение публичной политики как деятельности государства для исследователей сопряжено с рядом трудностей. В первую очередь это обусловлено тем, что процесс выработки публичной политики «скрывается» в определенной степени автономном от публичной сферы административно-управленческом комплексе. Данные решения осуществляются с помощью различных мер, тесно связанных между собой и охватывающих деятельность публичных организаций на различных уровнях управления (национальном, региональном и локальном). Процесс выработки коллективного курса и реализации политических решений всегда сопряжен с взаимодействием различных акторов и формированием латентных структур — коалиций²¹ или сетей²². При этом каждый из акторов, участвующих в принятии решений, имеет возможность отклоняться от обязательств, вызванных функционально-публичными обязательствами, преследуя личные цели. Качество реализации

---

¹⁹ Kingdon J. *Agendas, Alternatives, and Public Policies*. Boston: Little, Brown & Co, 1984.

²⁰ Kingdon J. *Op. cit.*

²¹ См.: Sabatier P.A., Jenkins-Smith H.C. *Theories of the Policy Process*. Oxford: Westview Press, 1999.

²² Rhodes R., Marsh D. *Policy Network in British Politics. A Critique of Existing Approaches // Policy Network in British Government / eds.: D. Marsh, R. Rhodes*. Oxford: Clarendon Press, 1992. P. 1–26.

административными структурами принятых политико-управленческих решений может оцениваться исключительно по результатам публичной политики (разрешение проблемы) и их эффективности (соответствие эффективности ожиданиям населения и различных общественных и политических акторов). Фактически оценить можно только видимую субстанцию публичной политики, которая образуется из совокупности ресурсов (финансовых — кредиты министерств; интеллектуальных — экспертиза, которую политические акторы способны осуществить; регламентных — факт разработки и введения в практику нового регламента / законодательства; материальных) и «продуктов» — административных решений, проводимых на основе указанных ресурсов политики.

Актуализация публичной политики как публичного менеджмента, практически реализуемого на основе демократических принципов и процедур, характерно для национальной политической системы США, где сильны демократические традиции и развиты традиционные институты политического представительства, а результативность и эффективность решений редко ставится под сомнение. В европейских научных дискуссиях о публичной политике и качестве публичных решений, направленных на реализацию общественных потребностей, возникших на теоретическом фундаменте американских исследований, была заложена основа для нового подхода к анализу публичной политики, который не только учитывал эффективное перераспределение общественных благ между различными группами населения, но и использовал методы «согласования интересов и достижения эффективного результата, максимизирующего общественную полезность»²³. В европейской традиции публичная политика включает в себя предметное поле принятия решений, которое формируется в публичной сфере; государственных и негосударственных акторов, взаимодействующих в принятии решений на различных уровнях управления (национальном, региональном, локальном); формы, методы и технологии участия, связанные единым политическим контекстом. В связи с этим концепт публичной политики выходит за рамки государства и предполагает включенность различных общественных групп, государственных и негосударственных акторов в политико-управленческий процесс посредством различных механизмов согласования интересов и культуры консенсуса. Здесь предполагается учет следующих компонентов, которые влияют на процесс выработки и реализации политического курса:

---

²³ *Беляева Н.Ю.* Развитие концепта публичной политики: внимание «движущим силам» и управляющим субъектам // *Полис.* 2011. № 3. С. 76.

– согласование интересов в виде дискурсивных практик в публичной сфере, посредством которых актуализируются общественно значимые проблемы²⁴, требования, конфликты²⁵;

– институциональные (институты, формальные правила и процедуры)²⁶ и когнитивные условия (когнитивные схемы и ценности) генезиса публичного действия общественных (институты гражданского общества, общественные лидеры, СМИ, бизнес-структуры) и политических акторов (политические партии, группы интересов и давления, политические лидеры), а также инклюзивные механизмы²⁷ их согласования перед непосредственными политическими действиями правительства²⁸;

– наличие неиерархических структур (коалиции²⁹ или сети³⁰), имеющих как публичные организационные надстройки, так и латентные связи, в рамках которых осуществляется согласование публичных действий разнообразных акторов (государственных и негосударственных) и разработка коллективного курса политических действий;

– институциональный уровень доверия в обществе, проявляющийся в поддержке общественными и политическими акторами и населения страны в целом деятельности органов власти и признании их легитимными³¹.

Одним из ключевых механизмов, связующих информационно-дискурсивную и управленческую «оболочки» публичной политики, является обратная связь. Данный механизм представляет собой коммуникативное взаимодействие органов власти, институтов гражданского общества, СМИ и бизнес-структур, в результате которого происходит оценивание эффективности принимаемых решений в соответствии с общественными требованиями / ожиданиями. Обратная связь характеризуется формами и технологиями общественного участия (общественное мнение, общественная экспертиза, общественный контроль и т. п.). Общественное участие предполагает для

---

²⁴ *Anderson J.E.* Public Policymaking: An Introduction. Boston: Houghton Mifflin Company, 2003. P. 2–7, 16–27.

²⁵ *Frohock F.M.* Public Policy: Scope and Logic. Englewood Cliffs: Prentice-Hall, 1979. P. 11.

²⁶ *Путерс Б.Г.* Политические институты: вчера и сегодня // Политическая наука: новые направления. М.: Вече, 1999. С. 226.

²⁷ *Меркель В.* Ограничения и шансы демократической консолидации в посткоммунистических обществах: Восточная и Центральная Европа в сравнении // Современная немецкая социология: 1990-е годы / под. ред. В.В. Козловского, Э. Ланге, Х. Харбарха. СПб.: Социологическое общество им. М.М. Ковалевского, 2002. С. 648–656.

²⁸ *Kingdon J.* Op. cit.

²⁹ *Sabatier P.A., Jenkins-Smith H.C.* Op. cit.

³⁰ *Rhodes R., Marsh D.* Op. cit.

³¹ *Патнэм Р.* Чтобы демократия сработала: Гражданские традиции в современной Италии. М.: Ad Marginem, 1996.

решения проблем сообщества объединение различных групп заинтересованных сторон для совместной разработки решений сложных вопросов и достижения консенсуса по этим вопросам как внутри сообщества, так и в процессе диалога с властью³². А. Сунгуров общественное участие определяет как непрерывный двунаправленный процесс взаимодействия граждан и органа власти (учреждения, ведомства), отвечающего за принятие решения. По его мнению, от гражданского общественное участие отличается отсутствием среди его форм электоральной активности, уклонением от деятельности политических партий и движений, а также от форм протестного участия³³. Во многих исследованиях отмечается, что основные формы и методы реализации общественного участия лежат в плоскости информирования и вовлечения в деятельность по созданию государственно-общественного управления на уровне учреждений, сообществ, муниципалитетов³⁴.

Качество обратной связи во многом зависит от сложившихся в публичной сфере моделей коммуникации между властью и обществом, где государство занимает определяющие позиции. Это могут быть «модели односторонней (директивной коммуникации), совещательного общения и спорадического, сингулярного поддержания управленческих контактов с гражданами»³⁵ или же модели многосторонней коммуникации с развитой дискурсивной средой. Развитые обратные связи на основе многосторонних коммуникаций, в свою очередь, обуславливают формы и механизмы гражданского участия, под которым понимается участие лиц в различных структурах и демократических институтах. Гражданское участие часто рассматривают как вертикальное участие (участие в партнерстве и управлении), как форму коллективного управления³⁶.

Модифицируя типологию, предложенную Ю.А. Красиным, можно выделить две типичные модели общественного участия: экспертно-административную модель и

---

³² Brodie E., Cowling E., Nissen N., Paine A.E., Jochum V., Warburton D. Understanding Participation: A Literature Review. December 2009. URL: <http://pathwaysthroughparticipation.org.uk/2010/01/13/understanding-participation-a-literature-review/> (12.07.2014).

³³ Сунгуров А. Общественное участие как условие формирования гражданского общества // Материалы конференции «Гражданские свободы и образование на рубеже веков и континентов», 2000. URL: <http://www.prof.msu.ru/publ/conf/index.html> (05.07.2014).

³⁴ Скалабан И.А. Социальное, общественное и гражданское участие: к проблеме осмысления понятий // Вестник Томского государственного университета. Сер.: Философия. Социология. Политология. 2011. № 1 (13). С. 138. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnoe-obschestvennoe-i-grazhdanskoe-uchastie-k-probleme-osmysleniya-ponyatiy> (19.12.2014).

³⁵ Соловьев А.И. Латентные структуры управления государством, или Игра теней на лице власти // Полис. 2011. № 5. С. 74. URL: <http://www.politstudies.ru/arch/2011/5/index.htm> (19.12.2014).

³⁶ Brodie E., Cowling E., Nissen N., Paine A.E., Jochum V., Warburton D. Op. cit.

модель гражданского участия³⁷. Первая модель основана на том, что в самом государственном аппарате действуют структуры, специально занимающиеся анализом кластеров гражданских интересов и транслирующие их в процесс выработки, реализации и оценки публичной политики. Эти специализированные структуры выступают как своего рода рецепторы, воспринимающие и анализирующие разнообразные общественные интересы, вырабатывающие на этой основе предложения об их учете для органов власти, непосредственно формирующих политический курс. Модель гражданского участия предполагает, что гражданские организации сами агрегируют свои предложения и оценки, оказывая влияние извне на формирование государственной политики.

На основе различных форм и технологий общественного и гражданского участия негосударственные акторы встраиваются в профессионально-управленческую деятельность государственных структур, тем самым реализуя публичный капитал общества. Важно, что без активной позиции государства расширение влияния институтов гражданского общества на управленческие задачи невозможно. Государство создает условия для реального воздействия граждан и институтов гражданского общества на принятие государственно-политических решений посредством расширения открытости и прозрачности деятельности органов власти, повышения стандартов качества государственного управления, предоставления доступных и качественных государственных услуг населению на всей территории, повышения благосостояния населения и роста поддержки и доверия населения государству как организатору и руководителю социальных коллективных действий. Развитие публичной политики становится важным показателем способности государства к эффективному управлению. Как отмечает Л.В. Сморгун, «способности государства управлять неотделимы от способностей гражданского общества включаться в публичное управление, а также понимания того, что только интеграция способностей всех субъектов публичного управления повышает его общую результативность»³⁸. Ориентация на достижение публичности государства

---

³⁷ Красин Ю.А. Механизмы аккумуляции интересов в публичной политике // Социально-политические процессы и экономическое состояние России: Материалы научного семинара. М.: Научный эксперт, 2005. С. 50.

³⁸ Сморгун Л.В. Способности государства и современная административная реформа в России // Управление государством: Проблемы и тенденции развития. Политическая наука: Ежегодник 2007 / Российская ассоциация политической науки; гл. ред. А.И. Соловьев. М.: РОССПЭН, 2008. С. 236.

закладывается в идеологию современных административных реформ³⁹, где стратегия модернизации государственного управления заключается в создании нового, открытого типа взаимодействия государства и общества.

Управленческое измерение публичной политики затрагивает структурные трансформации политической и административной подсистем государственного (публичного управления). «Наличие политической и административной подсистем государственного управления показывает, что в едином процессе целеполагания сосуществуют различные логики выработки ориентиров, особые механизмы согласования интересов, мотивации акторов и стратегии выработки объединенных позиций», — пишет А.И. Соловьев⁴⁰. Политическая подсистема государственного управления результирует дискурсивность публичной сферы, посредством системы политического представительства обозначая доминирующих в обществе публичных акторов, и становится «оператором» их власти. При этом политическое или субстанциональное участие публичных акторов подразумевает выработку стратегии политического курса, содержательно интерпретируя национальные интересы и формулируя четкие цели общественного развития, предлагая методы решения публичных проблем и организуя исполнение данных решений, то есть политическая подсистема государственного управления «предметно направляет применение административных методов распределения и перераспределения ресурсов»⁴¹. Без политической подсистемы государственного управления невозможно внесение изменений в государственные политики, она иницирует направляет реформы и инновации; административная подсистема сводится к регулированию текущих публичных процессов, обеспечивающему сохранение / воспроизводство режима работы системы государственного управления.

В разрезе публичной политики для административной подсистемы характерно привлечение граждан и широких групп общественности к административной деятельности. По мнению В.С. Комаровского, данному типу участия граждан в публичном управлении свойственно:

---

³⁹ *Купряшин Г.Л.* Политико-административные институты в формировании стратегии модернизации // Модернизация и политика: традиции и перспективы России. Политическая наука: Ежегодник 2011 / Российская ассоциация политической науки; гл. ред. А.И. Соловьев. М.: РОССПЭН, 2011. С. 156–157.

⁴⁰ *Соловьев А.И.* Политика и администрирование в структуре государственного управления // Управление государством: Проблемы и тенденции развития. Политическая наука: Ежегодник 2007 / Российская ассоциация политической науки; гл. ред. А.И. Соловьев. М.: РОССПЭН, 2008. С. 76.

⁴¹ Там же. С. 80.

- информирование заинтересованных групп граждан и их объединений о содержании готовящегося решения;
- учет их конструктивных предложений, касающихся содержания или методов решения проблемы (включая общественную экспертизу предлагаемых администрацией проектов);
- опосредованные формы контроля за ходом реализации решения и его результатами и т. д.⁴².

Привлечение граждан к административному управлению требует, с одной стороны, обеспечения им доступности к административной подсистеме, что подразумевает создание постоянных и открытых каналов коммуникации, по которым происходит обмен информацией между гражданами и управленцами различного уровня. С другой стороны, у групп общественности и граждан должны быть сформулированы потребности и мотивация к участию в административном управлении. Создание государством правовых, информационно-коммуникативных и организационных условий, направленных на вовлеченность граждан в публичное управление, должно сопровождаться развитием институтов гражданского общества и их способностями взять на себя ответственность за решение публичных проблем. В зависимости от того, какие модели взаимодействия выстраиваются с заинтересованными политическими и общественными акторами — иерархические или полицентричные, складываются определенные типы политических режимов. Ряд исследователей, акцентируя внимание на демократическом потенциале публичной политики, подчеркивает непосредственную связь между процессом коммуникации разнообразных общественных групп, выстраиваемых большей частью симметрично, в диалоговом режиме, качеством публичного управления, основанного на горизонтальных отношениях партнерства и кооперации, и активным гражданским участием, предполагающим реализацию совместно с органами власти различного рода программ для решения возникающих в обществе проблем⁴³. В свою очередь, публичность политики может рассматриваться как качество публичной политики, конституирующее демократии, и как условие демократизации системы государственного управления.

---

⁴² Комаровский В.С. Административная реформа в ракурсе политического анализа // Управление государством: Проблемы и тенденции развития. Политическая наука: Ежегодник 2007 / Российская ассоциация политической науки; гл. ред. А.И. Соловьев. М.: РОССПЭН, 2008. С. 53.

⁴³ Никовская Л.И., Сунгуров А.Ю., Якимец В.Н. Публичная политика в контексте задач модернизации России: конструктивный потенциал и формы использования. М.: РАПН; РОССПЭН, 2012.

Деятельностно-активистское измерение публичной политики возникает на пересечении информационно-коммуникативных, дискурсивных и решенческих потоков публичной политики, где агенты выражают свой потенциал действенности: способность коммуницировать с другими акторами на принципах сотрудничества, участвовать в формировании общественного дискурса, самоорганизовываться для достижения общих целей и принимать участие в принятии политических решений. По мнению Н.Ю. Беляевой, реальное производство публичной политики доступно только самостоятельным и стратегическим акторам; и те и другие оказывают реальное влияние на развитие политической системы, руководствуясь при этом собственными целями и следуя собственным самостоятельным стратегиям на основе рефлексии⁴⁴. Однако стратегические акторы, в отличие от самостоятельных, способны не только поддерживать существующие публичные институты, но и участвовать в институциональном строительстве публичной политики, имея существенный потенциал для разворачивания своей субъектности при наличии политической воли в плоскости модернизации как системы государственного управления, так и общества в целом.

Пространственное измерение публичной политики связано с существованием поля политики в более широком социальном пространстве, складывающегося в ходе взаимодействия политических акторов⁴⁵. Возникая в поле политики как в особой форме коммуникации индивидов, коллективных и институционализированных участников политического процесса, политическое пространство «подразумевает рефлексивное, синтетическое описание политической организации», с помощью которого выявляются важнейшие связи между людьми и политическими институтами⁴⁶. В политическом пространстве происходит «создание (закрепление) и поддержание (сохранение) целостности субъекта политики при объективно обусловленном многообразии»⁴⁷. Сущностные, конфигуративные и функциональные характеристики политического пространства имеют проекции в публичную и частную сферы общества⁴⁸. В пространственном измерении публичная политика «включает в себя совокупность объективных социальных структур (данных в форме распределения ресурсов практик,

---

⁴⁴ Беляева Н.Ю. Указ. соч. С. 81.

⁴⁵ См.: Бурдьё П. Социология политики / пер. с фр.; сост., общ. ред. и предисл. Н.А. Шматко. М.: Socio-Logos, 1983; Бурдьё П. Социальное пространство: поля и практики / пер. с фр.; отв. ред. перевода, сост. и послесл. Н.А. Шматко. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2005.

⁴⁶ Стержнева М.В. Структурирование политического пространства в Европейском союзе (Многоуровневое явление) // Мировая экономика и международные отношения. 2009. № 12. С. 38.

⁴⁷ Прохоренко И.Л. Указ. соч. С. 70.

⁴⁸ Тем самым подтверждается правомерность использования термина «публичное пространство» наравне с термином «публичная сфера».

средств и механизмов их присвоения)... и совокупность субъективных структур (легитимных практических схем и эксплицитных понятий)», которые представляют собой интериоризированные объективные структуры, то есть «публичная политика как действительность объективного порядка “оформляется” легитимными практическими схемами, составляющими действительность субъективного порядка»⁴⁹. Для комплексного и многомерного исследования публичной политики Н.А. Шматко предложила использовать понятие «топос». Топосом называется «открытое множество практик и практических схем, связанное с некой социальной проблемой»⁵⁰ или «местом коммуникации акторов». Топосы — это социальные условия, которые состоят из легитимных практических схем акторов публичной политики, отраженных в общественном и политическом дискурсах, а также разнообразные ресурсы акторов (экономические, политические, институциональные, юридические, информационные, коммуникативные); тем самым топосы обуславливают практическую деятельность акторов публичной политики и спектр их возможностей участия в принятии публичных решений. Акторы публичной политики на основе «программы действий» легитимных практических схем конституируют конкретный топос определенной публичной политики, который впоследствии воспроизводит события публичной политики. Топос-структурированием публичной политики можно в каждом конкретном случае не только выявлять и характеризовать дискурсивные практики и практики выработки и реализации политических решений различными акторами (продукты публичной политики), но и определять социальные условия их возникновения. Использование категории топоса в публичной политике позволяет определить действующих акторов в публичном пространстве; интегрировать легитимные практики частных, общественных, политических и государственных акторов вокруг определенной проблемы; выявить возможности негосударственных акторов в решении общественно значимых проблем; вскрыть экстернальные публичные эффекты латентных связей различных акторов в политико-административном комплексе государственного управления, структурирующихся вокруг публичных проблем, а также условия их возникновения.

Таким образом, многомерность концепта публичной политики и ее сложность как объекта исследования, характеризующиеся временной природой публичных процессов, многообразием участников и политических условий, а также вероятностной и

---

⁴⁹ Шматко Н.А. Феномен публичной политики // Социс. 2001. № 7. С. 110.

⁵⁰ Там же.

относительной природы ее результатов, вызывают определенные сложности для создания четких и операциональных теоретических конструктов. Интерпретация публичной политики с позиций пространственных координат позволяет охарактеризовать ее как целостный феномен, включающий в себя информационно-дискурсивное, деятельностно-активистское и управленческое измерения одновременно. Различные «оболочки» публичной политики образуют определенные результаты, но они не являются независимыми переменными, а определяются процессами, происходящими в других измерениях. При этом подвижность границ публичной политики, ее аутентичность и действенность обуславливаются как характером публичного администрирования (политическим режимом), так и практикой гражданского самоопределения. В условиях современной трансформации публичной политики под воздействием различных факторов каждое измерение публичной политики и результаты процессов, происходящих в них, требуют теоретического осмысления и эмпирического исследования.

Список литературы:

1. *Алексеева Т.А.* «Публичное» и «частное»: где границы «политического»? // Проблемы и суждения: голоса российской политологии: сборник трудов. М.: КДУ, 2004.
2. *Арендт Х.* Vita activa, или О деятельной жизни. СПб.: Алетейя, 2000.
3. *Бассет Дж.М.* Тихий голос разума. Делиберативная демократия и американская система государственной власти. М.: РОССПЭН, 2011.
4. *Беляева Н.Ю.* Развитие концепта публичной политики: внимание «движущим силам» и управляющим субъектам // Полис. 2011. № 3. С. 72–87.
5. *Бурдые П.* Социальное пространство: поля и практики / пер. с фр.; отв. ред. перевода, сост. и послесл. Н.А. Шматко. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2005.
6. *Бурдые П.* Социология политики / пер. с фр.; сост., общ. ред. и предисл. Н.А. Шматко. М.: Socio-Logos, 1983.
7. *Заболотная Г.М.* Проблема публичной сферы в современной политической теории // Вестник Тюменского государственного университета. 2004. № 4. С. 121–127.
8. *Комаровский В.С.* Административная реформа в ракурсе политического анализа // Управление государством: Проблемы и тенденции развития. Политическая наука:

Ежегодник 2007 / Российская ассоциация политической науки; гл. ред. А.И. Соловьев. М.: РОССПЭН, 2008. С. 51–70.

9. Коэн Дж.Л., Арато Э. Гражданское общество и политическая теория / пер. с англ. М.: Весь мир, 2003.

10. Красин Ю.А. Механизмы аккумуляции интересов в публичной политике // Социально-политические процессы и экономическое состояние России: материалы научного семинара. М.: Научный эксперт, 2005.

11. Купряшин Г.Л. Политико-административные институты в формировании стратегии модернизации // Модернизация и политика: традиции и перспективы России. Политическая наука: Ежегодник 2011 / Российская ассоциация политической науки; гл. ред. А.И. Соловьев. М.: РОССПЭН, 2011.

12. Луман Н. Общество как социальная система. М.: Логос, 2004.

13. Меркель В. Ограничения и шансы демократической консолидации в посткоммунистических обществах: Восточная и Центральная Европа в сравнении // Современная немецкая социология: 1990-е годы / под ред. В.В. Козловского, Э. Ланге, Х. Харбарха. СПб.: Социологическое общество им. М.М. Ковалевского, 2002. С. 648–656.

14. Никовская Л.И., Сунгуров А.Ю., Якимец В.Н. Публичная политика в контексте задач модернизации России: конструктивный потенциал и формы использования. М.: РАПН; РОССПЭН, 2012.

15. Патнэм Р. Чтобы демократия сработала: Гражданские традиции в современной Италии. М.: Ad Marginem, 1996.

16. Переверзев Е.В., Кожемякин Е.А. Политический дискурс: многопараметральная модель // Вестник ВГУ. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2008. № 2. С. 74–79. URL: <http://www.vestnik.vsu.ru/pdf/lingvo/2008/02/pereverzev.pdf> (19.12.2014).

17. Питерс Б.Г. Политические институты: вчера и сегодня // Политическая наука: новые направления. М.: Вече, 1999.

18. Прохоренко И.Л. О методологических проблемах анализа современных политических пространств // Полис. 2012. № 6. С. 68–80. URL: <http://www.politstudies.ru/arch/2012/6/index.htm> (19.12.2014).

19. Скалабан И.А. Социальное, общественное и гражданское участие: к проблеме осмысления понятий // Вестник Томского государственного университета. Сер.: Философия. Социология. Политология. 2011. № 1 (13). С. 130–139. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnoe-obschestvennoe-i-grazhdanskoe-uchastie-k-probleme-osmysleniya-ponyatiy> (19.12.2014).

20. *Сморгунов Л.В.* Способности государства и современная административная реформа в России // Управление государством: Проблемы и тенденции развития. Политическая наука: Ежегодник 2007 / Российская ассоциация политической науки; гл. ред. А.И. Соловьев. М.: РОССПЭН, 2008. С. 228–239.
21. *Соловьев А.И.* Латентные структуры управления государством, или Игра теней на лице власти // Полис. 2011. № 5. С. 70–98.
URL: <http://www.politstudies.ru/arch/2011/5/index.htm> (19.12.2014).
22. *Соловьев А.И.* Политика и администрирование в структуре государственного управления // Управление государством: Проблемы и тенденции развития. Политическая наука: Ежегодник 2007 / Российская ассоциация политической науки; гл. ред. А.И. Соловьев. М.: РОССПЭН, 2008. С. 71–95.
23. *Стержнева М.В.* Структурирование политического пространства в Европейском союзе (Многоуровневое явление) // Мировая экономика и международные отношения. 2009. № 12. С. 38–49.
24. *Сунгуров А.* Общественное участие как условие формирования гражданского общества // Материалы конференции «Гражданские свободы и образование на рубеже веков и континентов», 2000. URL: <http://www.prof.msu.ru/publ/conf/index.html> (05.07.2014).
25. *Хабермас Ю.* Вовлечение другого: очерки политической теории. М.: Наука, 2001.
26. *Чупина А.А.* Соотношение понятий «коммуникативный дискурс «общество — власть» и «политический дискурс» // Вестник Поволжской академии государственной службы имени П.А. Столыпина. 2010. № 4 (25). С. 61–65.
27. *Шматко Н.А.* Феномен публичной политики // Социс. 2001. № 7. С. 106–112.
28. *Alexander J.C.* Real Civic Liberties. London: Sage, 1998.
29. *Anderson J.E.* Public Policymaking: An Introduction. Boston: Houghton Mifflin Company, 2003.
30. *Apel K.-O.* Auseinandersetzungen in Erporobung des transzendentalpragmatischen Ansatzes. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1997.
31. *Bohmen D.* Public Deliberation. Cambridge, Mass.: MIT, 1996.
32. *Brodie E., Cowling E., Nissen N., Paine A.E., Jochum V., Warburton D.* Understanding Participation: A Literature Review. December 2009. URL: <http://pathwaysthroughparticipation.org.uk/2010/01/13/understanding-participation-a-literature-review/> (12.07.2014).
33. *Dye T.R.* Understanding Public Policy. Englewood Cliffs: Prentice-Hall, 1984.
34. *Frohock F.M.* Public Policy: Scope and Logic. Englewood Cliffs: Prentice-Hall, 1979.

35. *Gould C.* Diversity and Democracy: Representing Differences // *Democracy and Difference* / ed.: S. Benhabib. Princeton: Princeton University Press, 1996. P. 171–186.
36. *Habermas J.* Die Moderne — einunvollendetes Projekt: Philosophischpolitische Aufsätze 1977–1990. Leipzig: ReclamVerlag, 1990.
37. *Habermas J.* Strukturwandel der Öffentlichkeit. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1995.
38. *Heidenheimer A., Hecllo H., Adams C.* Comparative Public Policy: The Politics of Social Choice in America, Europe and Japan. New York: St. Martin Press, 1990.
39. *Kingdon J.* Agendas, Alternatives, and Public Policies. Boston: Little, Brown & Co, 1984.
40. *McCarty T.* The Critical Theory of Jurgen Habermas. Cambridge, Mass.: MIT, 1982.
41. *Orwell G.* Politics and the English Language // *Orwell G.* Inside the Whale and Other Essays. Harmondsworth: Penguin, 1962. P. 143–157.
42. *Parkinson J.* Legitimacy Problems in Deliberative Democracy // *Political Studies*. 2003. Vol. 51. P. 180–196.
43. *Rhodes R., Marsh D.* Policy Network in British Politics. A Critique of Existing Approaches // *Policy Network in British Government* / eds.: D. Marsh, R. Rhodes. Oxford: Clarendon Press, 1992. P. 1–26.
44. *Sabatier P.A., Jenkins-Smith H.C.* Theories of the Policy Process. Oxford: Westview Press, 1999.
45. *Sharkansky I.* Policy Analysis in Political Science. Chicago: Markham, 1970.
46. *Thompson B.* Habermas: Critical Debates. Cambridge, Mass.: MIT, 1982.

Public Policy as an «Umbrella Concept» of Political Science

Inna V. Miroshnichenko — Ph.D., Associate Professor, Department of management and psychology, Kuban State University, Krasnodar, Russian Federation.
E-mail: mirinna78@mail.ru

Annotation

The article explains the umbrella nature of the conceptual model of public policy, that is sufficient to show its composite character through interrelated and interdependent measurements (informational and discursive, activity-based, administrative and spatial). The author shows that the «umbrella concept» of public policy can reveal the complex and multi-level character of public processes and integrate various dimensions presented by different theories of political science

Keywords

Public policy, umbrella concept, public sphere, political discourse, civil society, public administration.

References:

1. Alekseeva T.A. «Publichnoe» i «chastnoe»: gde granitsy «politicheskogo»? *Problemy i suzheniia: golosa rossiiskoi politologii: sbornik trudov*. Moscow: KDU, 2004.
2. Arendt Kh. *Vita activa, ili O deiatel'noi zhizni*. Saint Petersburg: Aleteia, 2000.
3. Basset Dzh.M. *Tikhii golos razuma. Deliberativnaia demokratiia i amerikanskaia sistema gosudarstvennoi vlasti*. Moscow: ROSSPEN, 2011.
4. Beliaeva N.Iu. Razvitie kontsepta publichnoi politiki: vnimanie «dvizhushchim silam» i upravliaiushchim sub'ektam. *Polis*, 2011, 3, pp. 72–87.
5. Burd'e P. *Sotsial'noe prostranstvo: polia i praktiki* / per. s fr.; otv. red. perevoda, sost. i poslesl. N.A. Shmatko. Moscow: Institut eksperimental'noi sotsiologii; Saint Petersburg: Aleteia, 2005.
6. Burd'e P. *Sotsiologiia politiki* / per. s fr.; sost., obshch. red. i predisl. N.A. Shmatko. Moscow: Socio-Logos, 1983.
7. Zabolotnaia G.M. Problema publichnoi sfery v sovremennoi politicheskoi teorii. *Vestnik Tiimenskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2004, 4, pp. 121–127.
8. Komarovskii V.S. Administrativnaia reforma v rakurse politicheskogo analiza. *Upravlenie gosudarstvom: Problemy i tendentsii razvitiia. Politicheskai nauka: Ezhegodnik 2007* / Rossiiskaia assotsiatsiia politicheskoi nauki; gl. red. A.I. Solov'ev. Moscow: ROSSPEN, 2008. Pp. 51–70.
9. Koen Dzh.L., Arato E. *Grazhdanskoe obshchestvo i politicheskai teoriia* / per. s angl. Moscow: Ves' mir, 2003.
10. Krasin Iu.A. Mekhanizmy akumulatsii interesov v publichnoi politike. *Sotsial'no-politicheskie protsessy i ekonomicheskoe sostoianie Rossii: materialy nauchnogo seminara*. Moscow: Nauchnyi ekspert, 2005.
11. Kupriashin G.L. Politiko-administrativnye instituty v formirovanii strategii modernizatsii. *Modernizatsiia i politika: traditsii i perspektivy Rossii. Politicheskai nauka: Ezhegodnik 2011* / Rossiiskaia assotsiatsiia politicheskoi nauki; gl. red. A.I. Solov'ev. Moscow: ROSSPEN, 2011.
12. Luman N. *Obshchestvo kak sotsial'naia sistema*. Moscow: Logos, 2004.
13. Merkel' V. Ogranicheniia i shansy demokraticeskoi konsolidatsii v postkommunisticheskikh obshchestvakh: Vostochnaia i Tsentral'naia Evropa v sravnenii. *Sovremennaia nemetskaia sotsiologiia: 1990-e*

- gody / pod.red. V.V. Kozlovskogo, E. Lange, Kh. Kharbarkha. Saint Petersburg: Sotsiologicheskoe obshchestvo im. M.M. Kovalevskogo, 2002. Pp. 648–656.
14. Nikovskaia L.I., Sungurov A.Iu., Iakimets V.N. *Publichnaia politika v kontekste zadach modernizatsii Rossii: konstruktivnyi potentsial i formy ispol'zovaniia*. Moscow: RAPN; ROSSPEN, 2012.
15. Patnem R. *Chtoby demokratiia srobotala: Grazhdanskie traditsii v sovremennoi Italii*. Moscow: Ad Marginem, 1996.
16. Pereverzev E.V., Kozhemiakin E.A. Politicheskii diskurs: mnogoparametral'naia model'. *Vestnik VGU. Ser. Lingvistika i mezhkul'turnaia kommunikatsiia*, 2008, 2, pp. 74–79.
URL: <http://www.vestnik.vsu.ru/pdf/lingvo/2008/02/pereverzev.pdf> (19.12.2014).
17. Piter's B.G. Politicheskie instituty: vchera i segodnia. *Politicheskaiia nauka: novye napravleniia*. Moscow: Veche, 1999.
18. Prokhorenko I.L. O metodologicheskikh problemakh analiza sovremennykh politicheskikh prostranstv. *Polis*, 2012, 6, pp. 68–80. URL: <http://www.politstudies.ru/arch/2012/6/index.htm> (19.12.2014).
19. Skalaban I.A. Sotsial'noe, obshchestvennoe i grazhdanskoe uchastie: k probleme osmysleniia poniatii. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Filosofiiia. Sotsiologiiia. Politologiiia*, 2011, 1 (13), pp. 130–139. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnoe-obschestvennoe-i-grazhdanskoe-uchastie-k-probleme-osmysleniya-ponyatiy> (19.12.2014).
20. Smorgunov L.V. Sposobnosti gosudarstva i sovremennaia administrativnaia reforma v Rossii. *Upravlenie gosudarstvom: Problemy i tendentsii razvitiia. Politicheskaiia nauka: Ezhegodnik 2007 / Rossiiskaia assotsiatsiia politicheskoi nauki*; gl. red. A.I. Solov'ev. Moscow: ROSSPEN, 2008. Pp. 228–239.
21. Solov'ev A.I. Latentnye struktury upravleniia gosudarstvom, ili Igra tenei na like vlasti. *Polis*, 2011, 5, pp. 70–98. URL: <http://www.politstudies.ru/arch/2011/5/index.htm> (19.12.2014).
22. Solov'ev A.I. Politika i administrirovanie v strukture gosudarstvennogo upravleniia. *Upravlenie gosudarstvom: Problemy i tendentsii razvitiia. Politicheskaiia nauka: Ezhegodnik 2007 / Rossiiskaia assotsiatsiia politicheskoi nauki*; gl. red. A.I. Solov'ev. Moscow: ROSSPEN, 2008. Pp. 71–95.
23. Sterzhneva M.V. Strukturirovanie politicheskogo prostranstva v Evropeiskom soiuze (Mnogourovnevoe iavlenie). *Mirovaia ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniia*, 2009, 12, pp. 38–49.
24. Sungurov A. Obshchestvennoe uchastie kak uslovie formirovaniia grazhdanskogo obshchestva. *Materialy konferentsii «Grazhdanskie svobody i obrazovanie na rubezhe vekov i kontinentov»*, 2000. URL: <http://www.prof.msu.ru/publ/conf/index.html> (05.07.2014).
25. Khabermas Ju. *Vovlechenie drugogo: ocherki politicheskoi teorii*. Moscow: Nauka, 2001.
26. Chupina A.A. Sootnoshenie poniatii «kommunikativnyi diskurs «obshchestvo — vlast'» i «politicheskii diskurs». *Vestnik Povolzhskoi akademii gosudarstvennoi sluzhby imeni P.A. Stolypina*, 2010, 4 (25), pp. 61–65.
27. Shmatko N.A. Fenomen publichnoi politiki. *Sotsis*, 2001, 7, pp. 106–112.
28. Alexander J.C. *Real Civic Liberties*. London: Sage, 1998.
29. Anderson J.E. *Public Policymaking: An Introduction*. Boston: Houghton Mifflin Company, 2003.
30. Apel K.-O. *Auseinandersetzungen in Erporbung des transzendentalpragmatischen Ansatzes*. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1997.
31. Bohmen D. *Public Deliberation*. Cambridge, Mass.: MIT, 1996.

32. Brodie E., Cowling E., Nissen N., Paine A.E., Jochum V., Warburton D. *Understanding Participation: A Literature Review*. December 2009. URL: <http://pathwaysthroughparticipation.org.uk/2010/01/13/understanding-participation-a-literature-review/> (12.07.2014).
33. Dye T.R. *Understanding Public Policy*. Englewood Cliffs: Prentice-Hall, 1984.
34. Frohock F.M. *Public Policy: Scope and Logic*. Englewood Cliffs: Prentice-Hall, 1979.
35. Gould C. Diversity and Democracy: Representing Differences. *Democracy and Difference* / ed.: S. Benhabib. Princeton: Princeton University Press, 1996. Pp. 171–186.
36. Habermas J. *Die Moderne — einunvollendetes Projekt: Philosophischpolitische Aufsätze 1977–1990*. Leipzig: ReclamVerlag, 1990.
37. Habermas J. *Strukturwandel der Öffentlichkeit*. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1995.
38. Heidenheimer A., Hecló H., Adams C. *Comparative Public Policy: The Politics of Social Choice in America, Europe and Japan*. New York: St. Martin Press, 1990.
39. Kingdon J. *Agendas, Alternatives, and Public Policies*. Boston: Little, Brown & Co, 1984.
40. McCarty T. *The Critical Theory of Jurgen Habermas*. Cambridge, Mass.: MIT, 1982.
41. Orwell G. Politics and the English Language. *Orwell G. Inside the Whale and Other Essays*. Harmondsworth: Penguin, 1962. Pp. 143–157.
42. Parkinson J. Legitimacy Problems in Deliberative Democracy. *Political Studies*, 2003, 51, pp. 180–196.
43. Rhodes R., Marsh D. Policy Network in British Politics. A Critique of Existing Approaches. *Policy Network in British Government* / eds.: D. Marsh, R. Rhodes. Oxford: Clarendon Press, 1992. Pp. 1–26.
44. Sabatier P.A., Jenkins-Smith H.C. *Theories of the Policy Process*. Oxford: Westview Press, 1999.
45. Sharkansky I. *Policy Analysis in Political Science*. Chicago: Markham, 1970.
46. Thompson B. *Habermas: Critical Debates*. Cambridge, Mass.: MIT, 1982.